

ЖЕНСКОЕ
СЧАСТЬЕ

Thierry Cohen

*Si un jour la vie
t'arrache à moi*

Тьерри
Козн

Если однажды
жизнь отнимет
тебя у меня...

Москва
2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
К76

Thierry Cohen
SI UN JOUR LA VIE T'ARRACHE A MOI

Copyright © Editions Flammarion, Paris, 2013

Перевод с французского *Екатерины Кожевниковой*

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

Коэн, Тьерри.

К76 Если однажды жизнь отнимет тебя у меня... / Тьерри Коэн ; [пер. с фр. Е. Кожевниковой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-097899-1

Клара и Габриэль не должны были быть вместе: сын богатых родителей, наследник успешного семейного бизнеса, и простая танцовщица — что у них могло быть общего? Кажется, весь мир против них: родители и друзья Габриэля считают их отношения не более чем интрижкой, да и сама Клара временами сомневается, что у Габриэля хватит мужества пойти наперекор воле отца и матери.

Иногда для того, чтобы понять, что важно, а что второстепенно, нужно потрясение. Таким потрясением в жизни Габриэля и Клары стала автокатастрофа. Судьба дала им шанс: либо все исправить, либо все потерять. У Габриэля есть всего восемь дней, чуть больше недели. И за это время ему надо сделать то, на что у многих уходят десятилетия. Но у Габриэля есть преимущество — он правда очень любит Клару...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-097899-1

© Кожевникова Е., перевод
на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Безмятежная тишина, яркая зелень.

Среди полей дорога, обсаженная тополями. Дотянувшиеся до неба деревья горды своей величавостью. Они похожи на воинов, стерегущих покой здешних мест, и снисходительны к птицам, мелькающим в светлом весеннем воздухе.

Дорога с тополями ведет в замок.

Живописный уголок. Среди тополей на обочине так и видишь художника с кистью и мольбертом. И еще влюбленных, которые резвятся, гоняясь друг за другом по зеленой траве.

Какое здесь может быть горе? Даже представить себе невозможно, что среди этой красоты может разыгаться трагедия.

Нет, невозможно себе представить, что безмятежную тишину разорвет вдруг отчаянный крик.

Потому что и вы, и я, и вообще все на свете люди верят, что красота несовместима со злом, что благодать природы далека от трагедий, что жизнь не подпустит смерть.

Но...

Пять лет назад

- 1 -

Клара бросила сумку в прихожей, заглянула в столовую и поспешила в комнату младшего брата. Никого. Она вернулась обратно.

Мать, как обычно, сидела в старом кресле с прямой спинкой, уставившись в телевизор. Кое-как заколотые седые волосы, синяки под тусклыми глазами с набрякшими веками — она давно перестала следить за собой, ей ни до чего не было дела.

— Где Кевин? — спросила Клара.

Не получив ответа, взяла пульт, уменьшила звук и встала прямо перед матерью.

— На улице, наверное, — равнодушно уронила мать.

— А ты знаешь, что делается там, на улице?! — негодуя осведомилась Клара.

Вместо ответа безразличное пожатие плеч. Но Клара уже побежала к двери и с колотящимся сердцем ринулась вниз через три ступеньки.

На улице остановилась и прислушалась, стараясь понять, откуда доносятся шум и крики. Беспорядки, похоже, на парковке. Клара взглянула на небо: синеву заливало багровое зарево. Из-за угла выбежали два подростка с косынками на лицах. Клара вжалась в стену, пропуская их, слыша их частое дыхание, чувствуя их страх и гнев.

Она заспешила к пустырю, где Кевин обычно играл с приятелями в мяч. Издалека стали слышны крики. Очевидно, полиция перешла от слов к делу. Из открытых окон посыпались ругательства, добавляя смуты. Подростки, теснясь у окон, выплескивали ненависть.

Клара всячески успокаивала себя, преодолевая липкий страх.

На пустыре ни души. Она повернула обратно и услышала вдруг у себя за спиной нарастающий шум и топот. Она вздрогнула. Мчалась лавина подростков, а за ними полиция. Эта лавина неслась на нее. Если не спрятаться, сметет, опрокинет, затопчет. Клара заметалась, ища места, где бы укрыться, и тут кто-то схватил ее за руку, потянул.

— Кевин! — обрадовалась она, увидев брата, но по-прежнему чувствуя страх и не зная, куда спрятаться.

— Сюда! Быстрее! — прошипел Кевин, продолжая тянуть ее за руку. Мальчуган открыл ка-

литку, втокнул сестру во двор и быстро задвинул щеколду.

— Где ты был? — Клара обняла брата за плечи.

— С ребятами, на том конце квартала, — ответил мальчишка дрогнувшим голосом. — Мы издалека смотрели, как там взрослые. А когда разгорелось всерьез, мы с Хасаном решили вернуться. Тут все как побегут в разные стороны. Мы пошли подвалами и заблудились. Потом все-таки вылезли. Я уже направлялся к дому, а тут ты идешь. — Он старался изо всех сил совладать с собой, стиснул зубы, но слезы у него так и каптились градом.

— Милый ты мой! Какого же ты страху натерпелся! — Сестра крепко обняла его и прижала к себе.

* * *

Шум стычек стих с наступлением ночи. Призрачный покой опустился на улицы, скованные напряженной тревогой. Тревогой, которую, казалось, можно было пощупать рукой.

Клара лежала, свернувшись клубком под одеялом, и не спала — перевозбуждение не давало уснуть. Сегодня она даже не пошла на занятия в танцевальную студию — она училась современным танцам. Уже совсем было собралась, вышла из бара, где работала, но услышала, что в квартале опять беспорядки. И тогда,

зная, что на мать нельзя положиться и неизвестно, что будет с Кевином, подхватила и побежала домой.

Сейчас она чувствовала: сил у нее больше нет и впереди одна тоска и безнадежность. Сколько ей еще надрываться и лезть из кожи? У нее на руках братишка, ей надо платить за уроки в студии! И до осуществления заветной мечты как до неба! Сколько девушек в восемнадцать лет живут, забот не зная! Учатся себе, если есть желание. Разве Клара не хотела бы тоже поступить в университет, интересоваться политикой, философией, читать книги, говорить об искусстве с подругами за чашкой кофе, танцевать на дискотеках? Но у нее нет выбора. У мамы хроническая депрессия. Конечно, она ходит по домам, убирает, но денег, которые она зарабатывает, хватает на плату за квартиру и на еду недели на две. А все остальное на ней, Кларе... Девушка закрыла глаза, и мало-помалу мечты вытеснили из ее головы заботы. Настанет день, и она отсюда уедет. Станет танцовщицей, будет заниматься делом, которое любит больше всего на свете. У нее есть талант. Но таланта мало, конкуренция жесткая, устроиться трудно. Целеустремленность, твердость, сила характера — вот подспорье ее таланту, они увеличат ее возможности во сто крат, помогут ей преодолеть препятствия. В мечтах Клара уже видела себя

на сцене, перед публикой, которую завораживает пластикой.

И вдруг почувствовала: она не одна в комнате.

— Клара!

Она с трудом разглядела в потемках брата.

— Кевин? Чего тебе?

— Мне... это... не спится...

— Хочешь ко мне под бочок?

— Знаю, мне уже не три года...

— Давай устраивайся, — шепнула сестра и улыбнулась.

Кевин лег и укрылся одеялом.

— Думаешь, завтра опять начнется? — спросил он.

Клара обняла его.

— Кто знает, но ты не волнуйся, я провожу тебя в школу, потом встречу.

Она коснулась губами волос на макушке и вдохнула сладкий запах детства.

— Мама у нас сошла с ума.

Признание очевидности, да еще ночью шепотом, да еще после тяжелого дня больно задело Клару.

— Нет... Ты же знаешь... Мама, она...

— Ну да, болеет... Потому и сошла с ума, что болеет...

— Как прошел день в школе? — поспешила переменить тему Клара.

До чего же ей не хотелось увязнуть вместе с Кевином в болезни матери!

— Ничего, справляюсь, хотя ты сама знаешь, до отличника мне далеко.

— Но ты учишься, Кевин. Учись, и тогда чего-нибудь да добьешься. Ты кем хочешь стать?

— Не знаю. У меня семь пятниц на неделе.

— А в эту пятницу?

— Детским врачом.

— Почему детским? — удивилась Клара.

— Ну... Мне нравится одна девчонка, а она сказала, что вырастет и будет детским врачом. Я подумал: неплохо, если мы будем учиться вместе.

Клара прыснула.

— Ты что, влюбился?

— Не знаю. Она мне нравится. Нравится, это точно. А ты? Ты в кого влюблена?

Вопрос задел Клару за живое.

— У меня нет времени влюбляться, — сердито отрезала она. — Когда будет — посмотрю! Все! Давай спать.

Мальчуган прижался к ней и вскоре засопел.

Любовь... Она мало что о ней знала. Бывало, какой-нибудь паренек из соседских казался ей симпатичным, но у них здесь не полагалось обнаруживать свои чувства. Чувства для слабаков, а слабаки всегда в проигрыше. Клара стремилась, чтобы ее уважали. Ходила, высоко подняв голову, с ледяным, гордым видом. Научилась

быть резкой. Смотрела всегда сурово, держала дистанцию. Она была красавицей и никого к себе не подпускала.

Быть твердой, решительной, волевой, безупречной — в этом ее спасение. Только так она вырвется из предместья. Только так осуществит свою мечту.

Другой она была только с младшим братом. От него она не прятала нежное сердце, ласково смотрела, заботилась, возилась, тормозила, потому что и вправду любила малыша и хотела скрасить ему отсутствие матери. Но Кевин рос, и Клара делалась все сдержаннее: пора и мальчику набираться твердости.

Иногда посреди ночи, когда сквозняки забот выдували сон, а глухая тишина притворялась надежной защитницей, Клара позволяла истомленному усталостью мозгу покачаться на волнах иллюзий. И тогда, заглянув за черту горизонта, проведенную стыдливостью, она решалась поверить, что однажды встретит мужчину, который ее полюбит. Мужчину, с которым она захочет жить семьей. И семья у них будет надежной и настоящей.

-2-

Габриэль вскочил, опрокинув стул, и потряс в воздухе сжатыми кулаками. Есть! Горящие глаза не отрывались от экрана. Допущен к экзаме-

нам! В магистратуру одного из самых престижных экономических вузов Франции!

Он помчался вниз по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Матери в гостиной не оказалось, он выглянул в сад. Так и есть, нервно расхаживает по аллее, обсаженной розами. Ждет результатов. Взглянула на сына с тревогой, увидела его сияющую улыбку и сразу успокоилась.

— Допущен к устному! — закричал он, подбегая.

Ему хотелось подхватить мать на руки, закружить, расцеловать, но сдержал шаг, умерив порыв восторга, и просто взял ее протянутые к нему руки.

— Я горжусь тобой.

— Сказочное везение, не находишь? — Его опять захлестнула волна восторга.

— Ну еще бы! И куда же ты прошел?

— В Высшую коммерческую.

Тень пробежала по улыбающемуся лицу матери, и Габриэль ее заметил.

— До Высшей парижской не хватило одного балла, но ведь Высшая коммерческая...

— Это просто отлично, — закончила за него мать, извиняясь за невольное свое огорчение.

— Сейчас позвоню отцу. — Габриэль набрал номер на мобильном телефоне. — Папа! — начал он радостно.

— Собрание. Позвоню позже, — отрубил отец.

— Но я... Я хотел... Насчет конкурса, — запинаясь, произнес Габриэль.

— Извини. И что же?

— Прошел. В Высшую коммерческую...

— Ах, в коммерческую? Ну, хорошо, хорошо!

Габриэль снова уловил нотку разочарования, и радость сразу улетучилась. Отец, как всегда, ждал большего.

— Пока. Извини, что побеспокоил, — закончил разговор Габриэль.

— Ничего страшного. Я очень рад, — с нажимом произнес Дени Сансье, сообразив, что допустил бестактность. — Вечером увидимся.

Габриэль отключился, глядя в пустоту, еще тая в себе эхо разговора. Мать внимательно посмотрела на сына.

— Я думаю, отец доволен. — В ее утверждении скорее прозвучал вопрос.

— Он бы предпочел, чтобы я пошел по его стопам и поступил в Парижскую.

Лоррен Сансье повела плечами.

— Вряд ли. Я уверена, он тобой гордится.

— Но я же его знаю!

— Я знаю его лучше. Вечером мы отпразднуем.

— Нет. Вечером я праздную с друзьями, — возразил Габриэль, не в силах скрыть захлестнувшее его раздражение.

— Значит, завтра.

Он кивнул в знак согласия и ушел.

Его душила обида. Гнев против собственных родителей. Он делал все, что мог, из кожи вон лез, а им всегда было мало. На «отлично» учился в школе, был блестящим студентом, но от него всегда ждали большего. И он всегда обманывал их надежды. Должен был сдать бакалавриат на «отлично», а получил «хорошо». И сейчас он снова разочаровал их, потому что, видите ли, недотянул одного балла до самой престижной из французских школ бизнеса.

Любые родители были бы довольны такими результатами, как у него, но только не его собственные. «Для тебя я хотел бы лучшего, потому что ты на это способен» — таким было кредо его отца. Дени Сансье видел сына главой их семейной фирмы и хотел, чтобы этот пост Габриэль занял исключительно благодаря знаниям и опыту. «Конечно, родня тебя обожает. Но однажды тебе придется стать главным в деле, и надо, чтобы ты главенствовал по заслугам, а не по наследству».

Никто и никогда не спросил самого Габриэля, хочет он этого главенства или нет.

Габриэль иногда отпускал себя на волю и воображал совсем другое будущее — будущее, которое он построят сам, по собственному желанию, без гнетущей воли близких.

Габриэль распахнул окно, сел на подоконник и закурил. Солнце, лучший из осветителей, искусно направило свои лучи, подчеркнув кра-